

ГЕРОИ
В ЗЕЛЕНЫХ
ФУРАЖКАХ

ИГОРЬ ПЕТРОВ

ПОГРАНИЧНИКИ В 1941 ГОДУ

ОНИ НЕ СДАВАЛИСЬ В ПЛЕН

Пограничники. Герои в зеленых фуражках

Игорь Петров

**Пограничники в 1941 году.
Они не сдавались в плен**

«Яуза»

2016

УДК 94(47+57)"1941"

ББК 63.3(2)622.11

Петров И. И.

Пограничники в 1941 году. Они не сдавались в плен /

И. И. Петров — «Яуза», 2016 — (Пограничники. Герои в зеленых фуражках)

ISBN 978-5-9955-0910-3

«Пограничников в плен не брать!» – такой приказ отдало немецкое командование после первых же боев Великой Отечественной. Именно на советской границе, в первые часы войны, Вермахт столкнулся с наиболее ожесточенным сопротивлением, именно здесь сокрушительная машина блицкрига дала свой первый сбой. На захват линии пограничных застав германским командованием отводилось 15–30 минут, но заставы держались часами, днями – до последнего патрона, до последнего бойца. Восемь часов вела бой 10-я застава Марьямпольского погранотряда, шестнадцать часов держалась 8-я застава Ломжинского погранотряда, 11 суток отбивала атаки немцев 13-я застава Владимир-Волынского погранотряда под командованием лейтенанта Лопатина. Легендарная оборона Бреста и Либавы, героическая гибель Кретингского и Таурагского отрядов, подвиги авиационных и морских частей погранвойск – летом 41-го советские пограничники исполнили свой воинский долг сполна...

УДК 94(47+57)"1941"

ББК 63.3(2)622.11

ISBN 978-5-9955-0910-3

© Петров И. И., 2016

© Яуза, 2016

Содержание

Введение	6
Глава первая	8
1. Тайна, в которой зарождалась война	10
2. Трудный выбор Советского Союза	13
3. Страна готовится к войне	16
4. Боевая готовность погранвойск: плюсы и минусы	18
5. Краткие итоги	25
Глава вторая	26
1. Как началась война	26
2. Объективные условия и субъективные просчеты советской стороны	30
3. Действия погранвойск в первые часы и дни войны	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Игорь Петров

Пограничники в 1941 году.

Они не сдавались в плен

Введение

Великая Отечественная война, можно с полным основанием сказать, никогда не перестанет интересовать политиков, ученых, публицистов, да и вообще всех людей нашей страны, интересующихся историей и прошлым своего государства.

Подход к этому событию в истории нашего народа различный. Одних Великая Отечественная война интересует с позиции хода и развития военных действий. Другие пытаются глубже вникнуть в истоки и причины ее возникновения. Третьи в основном рассматривают последствия вплоть до наших дней и даже на будущее. Исследуются военный, экономический, социально-политический аспекты минувшей войны как в целом, так и отдельных ее периодов. Разбираются отдельные сражения, битвы. Выясняется вклад в общую победу каждого вида и рода войск, отдельных регионов, республик, областей и т. д.

Издания о Великой Отечественной войне множатся. Однако, к сожалению, все попытки создать фундаментальный труд о Великой Отечественной войне пока не увенчались успехом, что наглядно вновь показала затянувшаяся работа над рукописью первого тома десяти томника, планируемого выходом к 50-летию победы советского народа над гитлеровской Германией. Сейчас уже ясно, что эта задача отодвигается на более поздние сроки.

Будучи знаком со многими работами, посвященными Великой Отечественной войне, могу утверждать, что наиболее удачны те, которые написаны на основе всестороннего разбора событий войны с раскрытием всех побед и неудач, и, напротив, наибольшую справедливую критику вызывают труды, где лишь отображается положительное или, наоборот, выпячивается все негативное, а об успехах и достижениях упоминается только вскользь.

Немало публикаций вышло за прошедшие годы и об участии пограничных войск в Великой Отечественной войне. Это и обстоятельные монографии, докторские и кандидатские диссертации, научные статьи, корреспонденции и очерки. Посильный вклад в разработку этой темы внес и автор в виде кандидатской и докторской диссертаций, отбора архивных документов и материалов для специального издания, обстоятельной монографии в двадцать шесть печатных листов, ряда статей в теоретических журналах, не считая различных публикаций и выступлений по радио и телевидению, посвященных юбилейным и годовым датам Великой Отечественной войны.

Считая тему пограничных войск в Великой Отечественной войне одной из основных в своих научных исследованиях, автор постоянно стремится к всестороннему раскрытию роли войск и показу того их места в этом всемирно-историческом событии, которое им отводилось, при этом не переоценивая значимости этого факта, а, с другой стороны, правдиво, основываясь на документах, сопоставляя последние со свидетельствами очевидцев и участников войны, освещая исторический путь пограничных войск в военные годы.

Привлечение новых дополнительных архивных документов и материалов, в том числе и зарубежных, относящихся ко Второй мировой войне, а также более критический подход к результатам служебно-боевой деятельности пограничных войск в годы Великой Отечественной войны, позволяют углубить исследование избранной темы и путем анализа и сопоставления данных более правдиво показать вклад погранвойск в общую победу, не обходя и имевших место просчетов и ошибок.

Предлагаемая книга представляет военно-политический, даже больше политический, обзор служебно-боевой деятельности пограничных войск, включая канун войны. С этих же позиций рассматривается положение дел на южной, восточной и дальневосточной границах в годы Великой Отечественной войны. Боевые действия на Дальнем Востоке в августе – сентябре 1945 года, как известно, принято рассматривать как отдельный заключительный период Второй мировой войны. Однако для нашей страны они были продолжением борьбы за восстановление справедливого мира в этом важном регионе. Активное участие в войне против японских милитаристов принимали и пограничные войска. Одна из глав книги посвящена разбору этого этапа боевой истории пограничников дальневосточных и тихоокеанских рубежей. Заключает очерк разбор сущности, содержания, а также показ роли и места во всей жизни войск политико-воспитательной работы, этого особого вида оружия, который также внес весомый вклад в победу.

Автор признателен всем, кто своими советами, замечаниями и воспоминаниями поделился с ним, чем во многом способствовал более углубленному раскрытию избранной темы. Особенно автор признателен сотрудникам Центрального пограничного архива и Центрального пограничного музея за предоставленные документы и материалы.

Глава первая

Канун войны

Выполнили ли пограничные войска свою роль в предвоенные годы? Это один из основных вопросов, вокруг которого высказываются различные мнения.

Война вторглась в судьбы миллионов советских людей, оставив суровую, трагическую отметину почти в каждой семье. И, осмысливая то, какой ценой досталась наша победа, многие справедливо задумываются над тем, а все ли сделали те, кому положено было обеспечивать безопасность государства. И, естественно, в этом ряду спроса находятся и пограничные войска, которые, как принято говорить, стоят на переднем рубеже страны. Выполнили ли они свою роль, в частности в предвоенные годы, все ли было сделано ими в канун войны по обеспечению нерушимости советской границы?

Одни на этот вопрос отвечают определенно утвердительно: да, выполнили полностью. Другие же, особенно в последние годы, высказывают серьезное сомнение на этот счет, вплоть до того, чтобы бросить в адрес советских пограничников тяжелое обвинение, вроде того, что они были так же беспечны и благодушны, как и большая часть Красной Армии, что, дескать, отсюда и оказалась наша страна в первые месяцы войны в столь критическом положении. Заметим, что как в первом, так и во втором случае аргументов почти не приводится, имеют место одни утверждения.

Чтобы действительно разобраться в этом непростом вопросе, необходим обстоятельный анализ, причем в ряде случаев с новым подходом к событиям предвоенных лет на государственной границе страны и в районах приграничья. И здесь недопустимы как восторженные восхваления на основе удачных задержаний вражеской агентуры на границе деятельности погранвойск в предвоенный период, так и не позволительно, как случается сегодня в ряде изданий и публикаций, бросать все камни в свой огород. Там их и так хватает.

Итак, о новом подходе к анализу деятельности пограничных войск в канун войны. Он состоит, во-первых, в том, что нельзя обособленно анализировать их деятельность в отрыве от общей военно-стратегической политики СССР и разработанных на ее основе оперативных планов и практики их осуществления в эти годы. Нельзя, в частности, не учитывать, что оторванная от политических реалий ставка на немедленный перенос военных действий на территорию агрессора отрицательно повлияла и на деятельность пограничных войск конкретно по пресечению деятельности вражеской агентуры не только на границе, но и в своем прикорме. Во-вторых, гитлеровская разведка, тесно взаимодействуя с разведками своих союзников по антикоммунистическому блоку – Италией и Японией, а также привлекая в своих интересах и разведки других империалистических государств, вплоть до спецорганов Англии и США, вели активную разведывательно-подрывную деятельность на всех участках государственной границы СССР, в том числе и в интересах первых военных операций на советско-германском фронте. В нашей же литературе, когда речь заходит о предвоенной деятельности пограничных войск в канун войны, говорится лишь о западных пограничных округах и лишь вскользь – об обстановке на всей границе СССР. В-третьих, когда заходит речь о деятельности пограничных войск в канун войны, то и к ним предъявляется главный спрос за то, какие они дали сведения о готовившемся Гитлером нападении на нашу страну, и меньше говорится о том, а как они предотвращали проникновение вражеской агентуры через границу, хотя это была главная задача погранвойск в предвоенной обстановке. И в-четвертых, когда делаются попытки (особенно это характерно для авторов-пограничников) показать допущенные ошибки и промахи в деятельности пограничных войск в предвоенные годы, в частности, из-за отсутствия тесного взаимодействия между пограничными войсками западных округов и частями, соединениями

Красной Армии, то вину за это ставят лишь армейскому командованию, не отмечая и существенных просчетов здесь руководства погранвойск.

1. Тайна, в которой зарождалась война

После таких общих замечаний обратимся к анализу конкретных факторов, событий и материалов, их подтверждающих. Начнем с политической оценки и характеристики складывающейся ситуации.

Наибольшая опасность для нашей Родины исходила в 30-е годы от фашистской Германии. Выступая в эти годы в авангарде реакционных сил, германский империализм ставил перед собой цель – уничтожить первое в мире социалистическое государство. Гитлеровцы не скрывали своих намерений. Завоевание территории и источников сырья в Советском Союзе, ликвидация социалистического строя – это, «пожалуй, решающее дело германской военной политики вообще», писал Гитлер¹. В другой раз он отмечал: «Нам не нужна ни западная, ни восточная ориентация, нам нужна восточная политика, направленная на завоевание новых земель для немецкого народа»².

О захватническом характере планов Гитлера против нашей страны надо сказать особо. Не только лютый антикоммунизм и антисталинизм вел Гитлера на войну против советского народа, как сейчас пытаются выдать его действия современные апологеты фашизма, а прежде всего намерение лишить СССР государственной, национальной самостоятельности, превратить нашу страну в колонию германского империализма.

Стратегический план войны против СССР получил наименование «Барбаросса». Но следует указать, что план «Барбаросса» – это не только директива № 21, подписанная Гитлером 18 декабря 1940 года, в которой изложены основные цели войны против Советского Союза. Он содержит целый комплекс мероприятий по колонизации Прибалтики, Украины, остальной территории СССР.

Как известно, этому варварскому плану Гитлера не суждено было исполниться. Ему помешали советский народ, его доблестные Вооруженные силы. Однако сегодня, спустя 50 лет после победы советского народа над гитлеровской Германией, появилось немало политиков и историков, которые стремятся всячески принизить значение этой победы. Для этого запутываются многие вопросы, связанные с подготовкой фашистской Германией войны против Советского Союза, и прежде всего извращаются ее политические причины.

Гитлеровцам надо было как-то оправдать вероломное нападение на Советский Союз. Для этого выдумывается «основание», что якобы Германии угрожала война со стороны СССР и что будто бы на западной границе Советского Союза были сконцентрированы колоссальные вооруженные силы для нападения на Германию. Гитлеровцы утверждали, что создавшееся «опасное положение» вынудило их предупредить нападение СССР на Германию и начать «превентивную войну против Советского Союза». Такое заявление сделал германский посол Ф. Шуленберг в Москве утром 22 июня 1941 года. В этом же духе был составлен меморандум, врученный И. Риббентропом 22 июня советскому послу в Берлине. Надо сказать, что в то время мало кто верил в эту «версию» даже в самой Германии. Однако в наши дни эта «версия» вновь начинает «гулять» по страницам книг и статей, в том числе и появившихся в нашей стране. Верхом цинизма, беспардонной клеветы на СССР и советский народ является пасквиль предателя Родины, приговоренного советским судом к смертной казни, некоего Резуна-Суворова, выпустившего на Западе, а сейчас изданную уже у нас книгу «Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну?», в которой бездоказательно проповедуется, что Вторую мировую войну начал... Советский Союз. И делается все это с одной целью – унижить советский народ, представить его

¹ Цит. по: Германия во Второй мировой войне (1938–1944 гг.). Пер. с нем. – М., 1971. С. 108.

² Цит. по: Овсяный ИД. Тайна, в которой война рождалась. – М., 1971. С. 10.

в роли агрессора, тогда как он явился жертвой фашистской Германии. Убедительно об этом говорят факты истории.

Чтобы отвергнуть всякий вздор о том, что наша страна начала войну с Германией, и показать истинное положение дел, достаточно привести только одно из многочисленных на этот счет свидетельств У. Черчилля, которого никак нельзя заподозрить в симпатиях к СССР. Так, в своих мемуарах он в день нападения гитлеровской Германии на СССР записал: «Хотя, по подсчетам немцев, на советских границах было сосредоточено 186 русских дивизий, из которых 119 находились на германском фронте, русские армии были в значительной степени застигнуты врасплох. Немцы не обнаружили никаких признаков наступательных приготовлений в передовой полосе, и русские войска прикрытия были быстро смяты»³.

Об исключительно оборонительной позиции Советского Союза после захвата Гитлером Польши свидетельствует и такое донесение германского посла в Москве Шуленберга своему правительству: «Русское правительство стремится сделать все для того, чтобы предотвратить конфликт с Германией. Россия будет сражаться лишь в случае нападения на нее Германии... Все военные подготовительные мероприятия проводятся весьма спокойно и носят лишь оборонительный характер»⁴. Это – ценное признание германского дипломата и, кстати, далеко не единственное о военных планах СССР.

Обратимся к советским источникам.

Вся жизнедеятельность нашей страны в предвоенные годы, как известно, определялась партийными решениями. Относилось это целиком и к военной политике и внешнеполитической деятельности.

Военно-политическая обстановка в 30-е годы в мире была сложной и взрывоопасной. Империалистический лагерь открыто вел подготовку ко Второй мировой войне. Один за другим возникали очаги агрессии. Пожар войны разрастался, приближаясь непосредственно к советским рубежам. Война принимала мировой характер. Народы СССР хорошо видели эту опасность. На XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 года было отмечено: «В стане капитализма тон задают фашистские страны с их внутренним кровавым террором и внешней империалистической агрессией, приведшей уже ко второй империалистической войне с участием ряда стран Европы и Азии и грозящей разлиться дальше»⁵.

О фашистской угрозе новой войны постоянно напоминала советская печать. Так, в новогоднем номере «Правды» за 1937 год можно прочесть: «Историческое небо над 1937 годом покрыто тяжелыми штормовыми тучами. Фашистские страны готовят разбойничью войну... Другие буржуазные правительства в страхе перед крахом цепляются, как за соломинку, за внешний покой и своим бездействием поощряют фашистский разбой».

С момента прихода к власти правительство Гитлера открыто взяло курс на установление господства Германии на Европейском континенте и на мировой арене. Для этого предусматривалось сначала достижение пересмотра всех постановлений Версальского мирного урегулирования, заключенных после Первой мировой войны. Затем планировалось завоевание «жизненного пространства» на востоке Европы – на территории Польши, в Прибалтике, на украинских, белорусских и русских землях. К 1939 году фашистская Германия с этой целью провела демилитаризацию Рейнской зоны, аншлюс Австрии, по Мюнхенскому соглашению, заключенному между Англией, Францией, Германией и Италией, добилась, по сути дела, захвата Чехословакии.

Наша Родина приложила немалые усилия, чтобы приостановить мировую войну. Советский Союз развернул активную внешнеполитическую деятельность. Так, он вышел с конкрет-

³ Вторая мировая война в воспоминаниях. – М.: Политиздат, 1990. С. 107.

⁴ История международных отношений и внешней политики СССР, т. 2. 1939–1945 гг. – М.: 1967. С. 98–99.

⁵ КПСС в резолюциях... 7-е изд. Ч. 2. – М., 1953. С. 909.

ными предложениями о коллективной безопасности и решительном отпоре поджигателям войны. Однако правящие круги Англии и Франции, главных в то время европейских капиталистических держав, верные своей так называемой политике невмешательства, не поддержали нашу страну. Это было на руку агрессорам.

Политика уступок западных держав Германии проводилась за счет интересов других стран с намерением направления немецкой экспансии на Восток, по принципу «как можно дальше от нас». Такую позицию прежде всего обуславливали соображения милитаристского характера, расчеты на войну между СССР и Германией.

Политика умиротворения в Европе создавала реальную угрозу Советскому Союзу, а именно: изоляцию в Европе; вероятность диктата четырех держав на этом континенте и их объединение в «крестовом походе» против СССР; более явную угрозу вооруженного столкновения СССР с Германией и входящей в антикоминтерновский пакт Японии. Устанавливалась координация Гитлера с польским правительством, чему свидетельствовал ультиматум Польши с одобрения Германии Чехословакии о присоединении к Польше чешской части Тешинской Силезии. Дело шло в сентябре 1938 года о немецко-польском соглашении в военной области.

В этих условиях вопрос расстановки сил в Европе в случае начала войны приобретал для Советского Союза жизненно важное значение. При этом назревала реальная опасность для СССР конфликта на Дальнем Востоке.

2. Трудный выбор Советского Союза

К лету 1939 года почти одновременно велись три группы переговоров: советско-британско-французские; британско-немецкие; советско-немецкие. Первые не принесли, как известно, никаких результатов главным образом потому, что не давали реальных гарантий создания системы для обуздания германской агрессии. Не принесли результата и британо-немецкие переговоры, поскольку Лондон не хотел лишиться своего влияния на политику европейских стран взамен на сомнительную гарантию целостности Британской империи, особенно после нарушения Германией Мюнхенского соглашения и денонсации морского соглашения от 1935 года.

Советско-германские переговоры, на которых Рейх с первых дней августа 1939 года особенно стремился достигнуть соглашения с СССР, в конце концов состоялись. Здесь большую роль сыграло то, что зашли в тупик наши переговоры с Англией и Францией. 23 августа СССР подписал пакт о ненападении с Германией. Для нашей страны это была договорная гарантия сохранения линии, которую германские войска не должны были пересекать, что было необходимо для безопасности СССР.

Кстати, это был не первый договор о ненападении между СССР и Германией. Еще 24 апреля 1926 года в Берлине представители обеих стран подписали договор о ненападении и нейтралитете на пять лет. Заключение с Германией пакта о ненападении имело значение для СССР также в связи с конфликтом на Дальнем Востоке, где летом 1939 года советские и монгольские войска вели бои с японскими агрессорами. Советско-германский договор ослабил немецко-японские связи и антикоминтерновский пакт. Это, в частности, повлияло на заключение Японией перемирия с СССР, подписанного 15 сентября 1939 года после известных событий у Халхин-Гола.

Вот как оценивает сложившуюся для СССР ситуацию В. М. Бережков, бывший перед войной первым секретарем посольства нашей страны в Берлине: «Советское правительство могло, конечно, отклонить предложение Германии о пакте, но в таком случае Гитлер изобразил бы отказ как свидетельство «агрессивных намерений» Москвы»⁶. Указывает Бережков еще один довод в пользу решения Советского Союза откликнуться на предложение Берлина: «... были все основания ожидать затяжного конфликта между империалистическими державами, от которого Советский Союз – единственное в то время социалистическое государство – мог бы на какое-то время, если не на весь период войны, остаться в стороне. Такой расчет также мог повлиять на решение принять предложение Берлина о пакте в 1939 году»⁷. «Отсрочка вовлечения СССР во Вторую мировую войну дала время для дальнейшего укрепления обороноспособности страны, развертывания вооруженных сил, повышения боевой подготовки, усовершенствования вооружения»⁸, – пишет В. М. Бережков и к этому добавляет: «...с точки зрения внешнеполитический выигрыш был очень велик». Международная обстановка начального периода Второй мировой войны сложилась таким образом, что, когда СССР в 1941 году был вынужден вступить в войну, ему уже не угрожала внешнеполитическая изоляция, как это могло быть летом 1939 года. Англия теперь воевала с Германией, а империалистические противоречия между США, с одной стороны, Германией и Японией – с другой, настолько обострились, что возможность сговора правительства США с фашистскими агрессорами становилась нереальной»⁹.

⁶ Бережков В. М. Годы дипломатической службы. – М.: Изд. «Международные отношения», 1972.

⁷ Бережков В. М. Годы дипломатической службы. С. 13.

⁸ Там же. С. 15.

⁹ Там же. С. 15–16.

В. М. Бережков, как свидетель и участник многих событий развития советско-германских отношений в предвоенные годы, в своей книге приводит много фактов и примеров, которые показывают, с одной стороны, холодность, даже напряженность официальных отношений между СССР и Германией, а с другой стороны, «он отмечает многочисленные попытки германской стороны усыпить бдительность советской стороны разного рода разглагольствованиями о якобы намерении Германии внести новые предложения по укреплению советско-германских отношений, чего реально не было, а, напротив, имела место активная подготовка к нападению на СССР.

Осуществляя разработанный еще весной 1939 года план нападения на Польшу, фашистская Германия 1 сентября 1939 года спровоцировала военные действия. Не получив активной военной помощи со стороны Франции и Англии, Польша не могла устоять против численно превосходящих сил противника. СССР внимательно наблюдал за событиями в Польше. Советский Союз был заинтересован в сильном польском сопротивлении, однако ход событий показал, что это сопротивление ослабевает. Учитывая отсутствие активных действий Франции и Великобритании, особенно после решений англо-французской конференции в Абвиле 12 сентября 1939 года, когда Англия и Франция отказали Польше в военной помощи, а также быстрое развитие событий и нарастающую угрозу выхода немецких войск к советско-польской границе, советское правительство приняло решение взять под защиту население Западной Украины и Западной Белоруссии. В результате государственная граница СССР на Западе переместилась на новый рубеж примерно по рекам Нарев, Буг, Сан, что было определено позже договором, заключенным между СССР и Германией 28 сентября 1939 года, который именовался как «Договор о дружбе и границе». Для погранвойск этот договор имел практическое значение, тем более что на его основе в последующем был подписан ряд других договоров, соглашений и конвенций¹⁰. Все эти международные акты действовали на всем участке советско-германской границы.

Договор от 28 сентября 1939 года, подписанный в Москве, определял границу между СССР и Германией. При этом СССР руководствовался этническими принципами, а также стремился поставить преграду дальнейшему продвижению гитлеровской Германии на Восток. К договору прилагалась соответствующая карта.

Таким образом, можно констатировать, что договор от 28 сентября закрепил крайний восточный рубеж продвижения Вермахта, принятый Германией на государственном уровне. В этом его позитивное значение. Что касается «дружбы», то в политическом плане, конечно, особенно в историческом аспекте, договор был весьма уязвим, что давало основание говорить о «дружеских» отношениях СССР с фашистской Германией, хотя по существующей в те годы дипломатической практике многие международные соглашения имели такую приписку «о дружбе». К примеру, действовавший тогда договор СССР с Турцией именовался «Договором о дружбе и нейтралитете», а с Югославией – «Договор о дружбе и ненападении» и т. д. Что касается договора 28 сентября, то в нем «о дружбе» одна статья IV. (Всего в договоре пять статей.) Вот ее содержание: «Правительство СССР и Германское правительство рассматривают вышеприведенное переустройство как надежный фундамент для дальнейшего развития дружественных отношений между своими народами». Как видно, общие положения статьи не содержали никаких конкретных обязательств сторон. А последующая практика, о чем будет речь ниже, даже при большом желании не может быть охарактеризована как «дружественная».

¹⁰ Соглашение об установлении регулярного воздушного сообщения между СССР и Германией от 23 декабря 1939 года; конвенция о порядке урегулирования пограничных конфликтов и инцидентов от 10 июня 1940 года; соглашение о телефонной и телеграфной связи от 12 июня 1940 года; договор о пограничных и правовых отношениях от 31 августа 1940 года; соглашение о прямом грузовом железнодорожном сообщении от 1 октября 1940 года; пограничное железнодорожное соглашение от 1 октября 1940 года.

Оценивая даже с позиции сегодняшнего дня предвоенную обстановку, трудно оспаривать, что заключенный пакт от 23 августа 1939 года имел целью выиграть время перед лицом неизбежно надвигающейся войны. Как эта возможность была использована в интересах пограничных войск и охраны границы, разговор ниже. Отметим здесь, что Советский Союз не мог примириться в создавшейся ситуации с перспективой выхода Вермахта к Минску, отстоявшему от границы всего в 30 км. Еще меньше можно было согласиться с тем, что Западная Украина и Западная Белоруссия, оставшиеся под контролем Польши по Рижскому договору 1921 года, попали бы теперь под немецкую оккупацию.

Советская сторона учитывала рост угрозы надвигающейся агрессии и предусматривала соответствующие меры по укреплению обороноспособности и государственной безопасности страны. Партия и советское правительство в числе важнейших своих практических задач видели необходимость вооруженной защиты социалистического Отечества. Популярными среди советских людей были в те годы заветы В. И. Ленина быть начеку, беречь как зеницу ока обороноспособность нашей страны и нашей Красной Армии, его предупреждения о том, что всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться¹¹. Учитывалось его учение о защите социалистического Отечества. Не было иллюзий о возможных военных испытаниях, заранее предвиделся их тяжелый характер. Вспоминалось высказанное еще в 20-е годы замечание народного комиссара обороны М. В. Фрунзе, который в статье «Оборона и комсомол» писал: «Будущая война явится для нашего Союза решающим испытанием, ибо основными и глубокими являются те интересы, которые будут брошены на чашу весов. Нам нельзя рассчитывать на то, что война, которую нам придется вести, будет легкой войной, что она может быть кончена без больших усилий, без больших жертв. Эта возможность почти исключается. Поэтому наша задача заключается в том, чтобы заблаговременно подготовить все те средства, которые обеспечат нашу победу в этом столкновении»¹².

¹¹ См.: Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 37. С. 122.

¹² Фрунзе М. В. Избранные произведения. – М., 1965. С. 463.

3. Страна готовится к войне

В обстановке реальной угрозы агрессии были приняты меры по укреплению советских Вооруженных Сил как основного оплота обороноспособности страны.

В предвоенные годы на основе роста экономики совершенствовалось техническое оснащение армии и флота. Быстро развивалась теория советского военного искусства. Большое значение для укрепления Красной Армии имел принятый на IV сессии Верховного Совета СССР в сентябре 1939 года Закон о всеобщей воинской обязанности. На его основе Красная Армия стала получать более качественное пополнение, что увеличило возможность боевой выучки и специальной подготовки личного состава.

Важную роль в деле укрепления обороноспособности страны, особенно развития оборонной промышленности, сыграла XVIII Всесоюзная конференция ВКП(б), которая прошла в феврале 1941 года. Забота об обороноспособности страны нашла отражение в плане развития народного хозяйства на 1941 год, который определил меры, направленные на усиление экономической и оборонной мощи СССР. Что же касается оборонной продукции, то, как заявил на конференции первый заместитель Председателя СНК СССР Н. А. Вознесенский, «...правительство исходило из простой истины: если хочешь, чтобы никакие «случайности» не застали наш народ врасплох, порох держи сухим и не жалеи средств на производство самолетов, танков, вооружения, военных кораблей и снарядов»¹³.

Важное значение для укрепления обороноспособности и государственной безопасности СССР имел мартовский (1940 г.) Пленум ЦК ВКП(б), рассмотревший вопрос о внешней политике правительства и об итогах войны с Финляндией¹⁴. Пленум дал глубокий, всесторонний анализ состояния Красной Армии. Боевая готовность войск была признана не отвечающей требованиям современной войны. Партийно-правительственная комиссия, работавшая по указанию ЦК ВКП(б) в марте – апреле 1940 года, вскрыла серьезные недостатки в организации боевой подготовки¹⁵. 14–17 апреля 1940 года состоялось заседание Главного Военного совета, который отметил недостатки в обучении и воспитании войск. Предусматривалось проведение мероприятий по усилению обороноспособности страны и безопасности наших северо-западных границ. Практические выводы для Красной Армии вытекали из решений июльского (1940 г.) Пленума ЦК партии¹⁶, который, заслушав сообщение о внешней политике советского правительства, нацелил коммунистов, всех советских людей на повышение революционной бдительности по отношению к проискам агрессоров.

Подводя итоги и анализируя опыт и уроки советско-финляндской войны, Центральный Комитет партии отметил не только положительные стороны в боевой деятельности личного состава армии, но и вскрыл ряд серьезных недочетов в системе боевой подготовки войск, в частности отрыв теоретической и практической подготовки военных кадров от требований современной войны. Резкой критике были подвергнуты условности и упрощенчество в боевой подготовке войск, особенно низших звеньев командного состава и прежде всего младших командиров. Серьезное замечание было сделано и некоторой части высшего командного состава за их недостаточную теоретическую и практическую подготовленность к ведению войны.

Делая в основном правильные выводы из состояния советских Вооруженных Сил, политическое руководство страны и высшее военное командование по-прежнему придерживались

¹³ Правда, 1941, 19 февраля.

¹⁴ КПСС в резолюциях. Т. 5. С. 426.

¹⁵ Центральный архив МО Российской Федерации. Оп. 75593, д. 9, л. III.

¹⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17, оп. 2, д. 667, л. I.

идеи ведения войны только на территории противника без учета реального соотношения сил на то время. Это привело к недооценке обороны, а возможность вражеского вторжения на нашу территорию даже вообще не предполагалась. В этом и состоит главный военно-политический просчет, который и породил нереальность наших стратегических расчетов, что нашло отражение и в оперативных планах на возможное развитие военных действий на 1940 и 1941 годы, в которых были разработаны только наступательные операции. А раз так, то пограничным войскам в них отводилось очень мало места. Это и явилось основной причиной нереальности разработанных планов взаимодействия частей погранвойск с армейскими частями и соединениями.

4. Боевая готовность погранвойск: плюсы и минусы

Планы взаимодействия погранчастей с армейскими соединениями на случаи вражеского нападения были составлены. Однако в ряде случаев они исходили из ошибочных, как потом оказалось, предположений о постепенном развитии событий. Это, в частности, видно из плана на Владимир-Волынском направлении.

Согласно этому плану на первом этапе, когда станет очевидной подготовка противника к нападению, Владимир-Волынский пограничный отряд должен был перейти на усиленную охрану границы, путем разведки установить факт подхода к границе войск противника и характер его действий. На втором этапе, когда противник предпримет разведку боем, пограничным заставам следовало отразить нападение его передовых отрядов и обеспечить выход в оборонительные районы главных сил 15-го и 27-го корпусов армии. С началом боя предусматривалась поддержка застав силами 283-го стрелкового полка, который переходил в оперативное подчинение начальника отряда. Третий этап наступал с момента вторжения на нашу территорию основных сил противника. Пограничный отряд передавался в оперативное подчинение командира 27-го стрелкового корпуса и должен был действовать по его указаниям. Задачи отряду на этом этапе не определялись.

Весь план оказался нереальным, так как не предусматривал действия войск в случае внезапного удара противника крупными силами на всем участке отряда, что в действительности и случилось и чего уже можно было ожидать, судя по обстановке на границе с начала 1941 года. Однако план пересмотрен не был. Не выступили с инициативой здесь и командиры погранвойск, в данном случае руководство Украинского пограничного округа и Владимир-Волынского пограничного отряда.

Видимо, нельзя уклониться и от ответа на такой вопрос: допускалась ли советской стороной сама возможность нападения на нас Германии и делалось ли что-нибудь практически для отражения этого нападения? Ответ должен быть такой: да, допускалась, да, делалось.

С весны 1941 года в пограничные округа под строжайшим секретом перебрасывались пять армий: 22-я под командованием генерала Ф. А. Ершекова, 20-я под командованием Ф. Н. Ремезова, 21-я под командованием В. Ф. Герасименко, 19-я под командованием И. С. Конева и 16-я под командованием М. Ф. Лукина. С целью повышения боеспособности Красной Армии ее численность в 30-е годы была увеличена в три раза и достигла к весне 1941 года почти 5 миллионов человек. Однако здесь надо указать, что был допущен просчет в оценке готовности немецко-фашистских войск к нападению на СССР. Таким сроком определялся 1942 год.

Другой, не менее серьезной, ошибкой явилось то, что, делая правильные политические выводы о неизбежности военного столкновения с фашистской Германией, политическое руководство страны, стремясь как можно дальше отодвинуть этот момент, что было объективной необходимостью, учитывая состояние страны и Красной Армии, попустительствовало разного рода провокациям на советско-германской границе, что, с одной стороны, способствовало лучшей подготовке Вермахта к войне против нашей страны, поощряло агрессора, а с другой – дезориентировало советских людей, а пограничников, первыми сталкивающихся с такими явлениями, ставило в очень ложное положение. Это проявлялось при систематических нарушениях воздушного пространства СССР. На основе известного приказа Наркома внутренних дел Л. П. Берия о запрещении обстрела германских самолетов, нарушивших границу, начальник погранвойск (комдив Г. Г. Соколов телеграммой № 19/5653¹⁷ приказал ознакомить с этим приказом весь личный состав, а затем персонально каждого прибывающего после общего озна-

¹⁷ ЦАПВ, ф. 14, оп. 224, д. 110, л. 5.

комления. Пограничники вынуждены были подчиняться этому требованию, хотя обстановка требовала с их стороны активных действий. Такое попустительство применялось и к другим нарушителям границы. Известны не единичные случаи, когда данные, поступающие от погранвойск, извращались или давалась совершенно иная оценка. Так случилось с задержанием 5 марта 1941 года в района Либава (Лиепая) немецкого катера. Он, выполняя разведывательные задания, зашел в наши территориальные воды и был задержан, что называется, с поличным. Так было это зафиксировано пограничниками и донесено в Москву. Однако пограничным войскам из аппарата Наркома внутренних дел дали указание «немедленно катер освободить, обеспечив команду продовольствием»¹⁸.

Естественно, такими поблажками умиротворить агрессора невозможно, а посеять беспечность и благодушие в своих рядах можно было определенно, что среди определенной части личного состава погранвойск западной границы и имело место, но об этих отрицательных моментах не принято было распространяться.

Во многих изданиях можно было узнать, что только за 11 месяцев 1940 года на нашей западной границе было задержано при переходе из Германии 38 245 лазутчиков¹⁹, а общее число задержанных нарушителей составляло почти двести тысяч. В их числе было разоблачено около 5 тысяч вражеских агентов, в основном германских, и уничтожено около двухсот хорошо вооруженных банд²⁰.

А в первые три месяца 1941 года пограничники разоблачили еще 153 матерых нацистских агента²¹. Каждое из этих задержаний – результат высокого мастерства и бдительности воинов границы. Самые достойные из них, а их было 384 человека, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 февраля 1941 года были отмечены орденами и медалями Союза ССР и абсолютное большинство из них за конкретные задержания. Но вот о том, что с 1 января по 14 июня 1940 года на участке Западного (позже Украинского) погранокруга было зафиксировано 1126 случаев безнаказанных прорывов через границу, об этом широко не распространялись. Таких случаев, соответственно, по Белорусскому округу было 526 с 844 прорвавшимися нарушителями, в Молдавском – 87 с 167 лазутчиками²². Это можно узнать только из закрытых до последнего времени источников.

И, наверное, совершенно справедливо будет, если, воздавая заслуженную хвалу пограничникам тех лет за их умелые действия, также будет предъявлен и счет за допущенные промахи в охране Государственной границы СССР.

Требуют более критического анализа действия погранвойск в предвоенный период по повышению боевой готовности.

Об определенной работе в этом направлении пишет в своих воспоминаниях бывший в предвоенные годы начальник Управления политпропаганды погранвойск дивизионный комиссар (впоследствии генерал-лейтенант) П. Н. Мироненко. Описывая те перемены, которые произошли на границе с февраля по май 1941 года, он констатирует: «И вот снова мы, члены комиссии, идем вдоль линии границы. Как многое изменилось здесь за прошедшие три месяца. В нашем прикорме строились замаскированные редким, побуревшим от солнца ельником многочисленные доты и другие оборонительные сооружения; строительство шло непрерывно днем и ночью. Часть дотов уже занималась гарнизонами. Это были сложные инженерные соору-

¹⁸ Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 494, оп. 2, д. 6, л. 147–148.

¹⁹ Российский государственный военный архив (РГВА), оп. 1, д. 1, л. 362–363.

²⁰ ЦПА фонд ГУПВ, п. 899, л. 139–175, 185, 331.

²¹ Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 494, оп. 1, д. 1, л. 362–363.

²² ЦПА ФСБ, ф. 38, оп. 6890, д. 31., л. II.

жения, на два этажа уходившие в землю, вооруженные пушкой и несколькими станковыми пулеметами, подходы к ним были прикрыты малозаметными препятствиями»²³.

Работы действительно были начаты большие, но, к сожалению, все намеченное к началу военных действий осуществить не удалось.

Фашистская Германия, готовясь к войне против СССР, использовала все возможности разведки, в том числе и воздушной. На Прибалтийском направлении воздушную разведку германское командование начало вести сразу же после установления новой границы. Особенно много таких фактов было зафиксировано на участке Таурагского погранотряда. Так, 5 марта 1941 года фашистский самолет пытался осуществить разведку советских морских баз на Балтийском побережье, но был сбит огнем зенитной артиллерии Либавского района обороны и упал в советских территориальных водах. Вышедший на его поиски катер германских военноморских сил, дислоцировавшийся на базе порта Пилау, был задержан. 18 марта 1941 года самолет типа «Юнкерс» также пытался совершить разведывательный полет над морской базой Либавы (Лиепая), но плотным огнем зенитной артиллерии был отогнан от объекта. На этом же участке нарушения воздушного пространства СССР произошли 9 июня (дважды), 19, 20 и 21 июня 1941 года²⁴.

В агрессивных планах гитлеровского командования большое место отводилось различным провокационным вылазкам. Совершались они повсеместно. В массовом порядке чинились препятствия работе советских топографов, проверявших прохождение линии государственной границы. С другой стороны, без предварительного уведомления немцы производили замену пограничных знаков. Так, 30 октября 1940 года в 15 км юго-восточнее г. Таураге четыре солдата германской пограничной охраны заменили 13 столбиков, определявших прохождение государственной границы²⁵.

Германская сторона постоянно осложняла работу железнодорожного транспорта. Например, 14 ноября 1940 года поезд, следовавший из Германии на станцию Таураге в СССР, не подчинился требованиям нашего пограннаряда и не остановился при переезде через границу. 15 ноября, следуя со станции Таураге в Германию, на сигнал старшего лейтенанта Карпухина об остановке машинист увеличил скорость. Наряд был вынужден сорвать стоп-кран, поезд остановился лишь в 40 метрах от линии границы²⁶.

Большая работа проводилась, как уже отмечалось, пограничниками по сбору и сообщению данных о сосредоточении германских войск у советских границ. На основе полученных данных от командования пограничных округов руководство ГУПВ 23 мая 1941 года представило в НКВД обстоятельный доклад об остановке в прикорме, в частности о сосредоточении войск в Восточной Пруссии. Всего к этому времени здесь находилось до трех армейских группировок (штабы: Варшава, Улянув, Усьмеж), 10 армейских корпусов, 68–70 пехотных, 6–8 моторизованных, 10 кавалерийских и 5 танковых дивизий, 65 артполков, 2–3 авиадивизии, большое количество инженерно-саперных и других специальных частей, в том числе и понтонных²⁷. Количество, размещение и назначение частей и соединений германской армии, сосредоточенных у советской границы, свидетельствовали о наступательных ее намерениях. В обобщенной справке были использованы и сведения, полученные от частей прибалтийской границы, в частности охранявших Клайпедское направление, где противник разместил до 2 армейских корпусов, 10–12 пехотных, 2 моторизованных, 2 кавалерийских и 2 танковых дивизии, 19 артполков и 2 авиаэскадры. Надо сказать, что именно такой группировкой фашистская

²³ На страже границ Советского государства. Историко-мемуарный сборник, кн. третья. – М.: ГУПВ, 1971. С. 105.

²⁴ Пограничные войска СССР 1939–1941 гг. Сборник документов и материалов. С. 364.

²⁵ Там же. С. 339.

²⁶ Там же. С. 343.

²⁷ Пограничные войска 1939–1941 гг. С. 385–386.

Германия и начала 22 июня 1941 года свои военные действия на прибрежном к Балтийскому морю направлении.

Оценивая проведенную в предвоенные месяцы на границе работу, следует указать, что предоставленную возможность пограничники использовали достаточно эффективно. Особенно это касалось пограничных застав и комендатур. За короткое время здесь успели оборудовать оборонительные сооружения легкого типа – блиндажи, дзоты, построить блокгаузы. За время несения службы на новой границе, проведения многочисленных поисков и боевых операций, борьбы с вооруженными бандами, диверсионно-разведывательными группами, вражеской агентурой личный состав основательно изучил охраняемый участок, приобрел хорошую боевую и пограничную выучку, что помогло ему затем в боях с агрессором.

В числе мер советского правительства по подготовке страны к отпору агрессора особое место отводилось, естественно, производству оружия и боевой техники. Выпуск оборонной продукции в 1938–1939 годах более чем в три раза превысил выпуск всей промышленной продукции. В предвоенном 1940 году оборонная промышленность по темпам роста обогнала другие отрасли народного хозяйства. «В результате успехов освоения новой техники и роста оборонной промышленности, – отмечалось в резолюции XVIII Всесоюзной конференции ВКП(б), – значительно повысилась техническая оснащенность Красной Армии и Военно-Морского флота новейшими видами и типами современного вооружения»²⁸. Однако этот оптимистический вывод жизнью не всегда подтверждается.

И насколько всего этого оружия было недостаточно, можно проиллюстрировать и на примере пограничных войск. На 170 тысяч личного состава погранвойск в 1940 году поступило 3517 автоматов, около 12 000 самозарядных винтовок и 110 станковых пулеметов²⁹. В 1941 году дополнительно войска получили еще 3101 автомат, 681 миномет, 45 станковых пулеметов и 11 308 самозарядных винтовок и 18 противотанковых ружей. Если все подсчитать, то получается, что современным по тому времени стрелковым оружием была обеспечена только четвертая часть личного состава.

Следует иметь в виду, что личный состав погранвойск, в том числе западных округов, не сумел в короткие сроки полностью овладеть и этим небольшим количеством современного оружия. Так, по итогам инспектирования за 1940 год, из восьми проверенных отрядов Украинского погранокруга четыре (2, 23, 24, 25-й) и 4 МСП получили общую оценку «плохо», «посредственно» – два (21-й, 22-й) и «хорошо» только два погранотряда (19-й, 20-й)³⁰.

В числе самых существенных недочетов в боевой подготовке отмечалось, что «очень часто не выполняются требования курса огневой подготовки: не оборудованы учебные и особенно стрельбищные поля. Плохо с обучением искусству стрельбы из автоматического и группового оружия»³¹. В резолюции 6-й окружной партийной конференции погранвойск Украинской ССР в марте 1941 года указывается на «неудовлетворительную постановку командирской учебы и обучение службы штабов»³².

Так же как и в Красной Армии, в пограничных войсках в предвоенные годы были проведены спешные большие реорганизации и структурные изменения, которые не всегда способствовали повышению боеготовности. В январе 1939 года были разделены пограничные и внутренние войска³³. В марте было утверждено руководство пограничных войск³⁴. Начальником

²⁸ КПСС в резолюциях и решениях... Ч. III. – М.: Госполитиздат, 1954. С. 426.

²⁹ ЦПА, ф. 14, оп. 2, д. 257, л. 13.

³⁰ ЦПА, ф. 58, оп. 6360, д. 26, л. 15.

³¹ Там же, оп. 6423, д. 1, л. 3.

³² Там же, оп. 6360, д. 26, л. 15.

³³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 1005, л. 70.

³⁴ Там же, д. 1007, л. 17.

войск стал комдив Г. Г. Соколов, начальником политуправления – полковой (позже дивизионный) комиссар П. Н. Мироненко.

В трудных условиях приходилось работать Главному и Политическому управлениям пограничных войск. Факты свидетельствуют, что не все удалось им сделать по подготовке войск, особенно к действиям в боевых условиях. Не решена была и такая задача, как боевое сколачивание пограничных отрядов, что наглядно показали первые бои на государственной границе, когда большинство отрядов как единая войсковая часть не действовали. И одной из причин этого была плохая укомплектованность и большое движение личного состава. Так, некомплект по подразделениям границы в 90-м погранотряде Украинского погранокруга на 1 января 1941 года составлял 22,15 %. Было откомандировано для службы в оперативные войска 164, передано на формирование новых погранчастей в Белорусском округе 280, командирован на пополнение школ сержантского состава 71, откомандировано в 97-й погранотряд 20 человек. В то же время отряд получил из других округов 220, и было возвращено из расформированных частей оперативных войск НКВД 472 человека. Такое положение со штатной укомплектованностью и движением личного состава было и во всех других сорока девяти пограничных отрядах западной границы.

Нельзя считать правильным, что за период с 1 января по 22 июня 1941 года была сокращена правительственная численность пограничных войск с 195 520 человек до 168 135 человек за счет исключения из состава ГУПВ Управления оперативных войск с правительственной численностью 27 385 человек. Была за это время сокращена и штатная численность погранвойск с 192 354 человек до 162 178 человек. Сократился и списочный состав погранвойск. Если на начало 1941 года в них было 178 784 человека, то к началу военных действий оказалось только 158 015 человек³⁵. Около 90 тысяч из них было сосредоточено в восьми западных пограничных округах, а именно: Мурманского (начальник войск – генерал-майор К. Р. Синилов, начальник ОПП – бригадный комиссар М. И. Хуртин, начальник штаба майор А. Л. Прусский), Карело-Финского (начальник войск – генерал-майор В. Н. Долматов, начальник ОПП – полковой комиссар Н. П. Шпаков, начальник штаба полковник Н. С. Киселев), Ленинградского (начальник войск – генерал-лейтенант Г. А. Степанов, начальник ОПП – полковой комиссар С. И. Гусаров, начальник штаба – полковник К. А. Антонов), Прибалтийского (начальник войск – генерал-майор К. И. Ракутин, начальник ОПП – бригадный комиссар Н. Н. Потехин, начальник штаба – полковник И. М. Иванов), Белорусского (начальник войск – генерал-лейтенант И. А. Богданов, начальник ОПП – бригадный комиссар Ф. А. Верещагин, начальник штаба – полковник С. А. Сухарев), Украинского (начальник войск – генерал-майор В. А. Хоменко, начальник ОПП – бригадный комиссар Я. Е. Масловский, начальник штаба – полковник В. Т. Рогатин), Молдавского (начальник войск – генерал-майор Н. П. Никольский, начальник ОПП – бригадный комиссар Н. А. Ключев, начальник штаба полковник Н. П. Великанов), Черноморского (начальник войск – генерал-майор А. Я. Киселев, начальник ОПП – полковой комиссар Г. В. Колпаков, начальник штаба полковник Н. Э. Тимашков).

Наиболее укомплектованными и боеготовыми были войска Ленинградского, Прибалтийского, Белорусского и Украинского пограничных округов, хотя и в них до трети застав не имели полной штатной численности. Особенно в нештате были подразделения, оставшиеся на линии старой границы.

В числе же самых существенных недоработок оказалась борьба с вражеской агентурой, особенно диверсионными группами в приграничье. Конечно, в этом повинны не одни пограничники. Не сработали здесь должным образом территориальные органы НКВД, армейское командование, но и доля вины пограничников немалая.

³⁵ ЦПА ф. 14, оп. 2, д. 257, л. 60.

О том, что гитлеровское командование большое внимание уделяло обеспечению первоначального боевого успеха, хорошо известно. И в этих планах много места отводилось разведке и подрывной деятельности в советском тылу, в частности на границе и в приграничье.

В газете «Советская Россия» от 8 июня 1991 года опубликованы на этот счет новые сведения в виде протоколов допросов бывших руководителей Абвера (военной разведки фашистской Германии). В показаниях генерал-лейтенанта Г. Пикендроко, начальника отдела Абвера, обращает на себя внимание следующее. Еще с лета 1940 года германский Генштаб, по утверждению этого высокопоставленного руководителя Абвера, уже не интересуют отдельные сведения о Красной Армии, и поэтому он «ставит только одну задачу – следить за тем, что происходит у русских на советско-германской границе». Другой видный работник Абвера, начальник германской военной контрразведки (Абвер-3) генерал-лейтенант Ф. Бентивеньи, говоря об основных вопросах подготовки войны против СССР, в числе трех главных направлений отмечает «мероприятия по блокированию средств связи в период, непосредственно предшествовавший нападению на СССР...».

Заместитель начальника отдела Абвер-2 подполковник Э. Штольц показывает то, что «...в целях нанесения молниеносного удара по Советскому Союзу при проведении диверсионной и разложенческой работы против России Абвер использовал возможности, вытекающие из многонационального состава населения СССР для разжигания национальной вражды и политического разложения Красной Армии. В частности, признается гитлеровский разведчик, «мною лично было дано указание руководителям украинских националистов германским агентам Мельникову и Бандере организовать сразу же после нападения Германии на Советский Союз провокационные мятежи на Украине с целью подрыва ближайшего тыла советских войск, а также для того, чтобы убедить международное общественное мнение о происходящем якобы разложении советского тыла. Мне известно, что подготовкой мятежа в г. Львове занимался начальник разведки «украинских националистов» Сушко. Кроме того, – продолжает Э. Штольц, – нами были подготовлены специальные диверсионные боевые группы для подрывной деятельности в прибалтийских советских республиках. Так, германской агентуре, предназначенной для заброски в Литву, была поставлена задача захватить железнодорожный туннель и мосты близ г. Вильно, а германские диверсионные группы, предназначенные для действий в Латвии, должны были захватить мосты через реку Двина. Все захваченные таким образом стратегические объекты должны были удерживаться нашими диверсионными группами до подхода регулярных германских войск».

Для выполнения диверсионных задач в составе Абвера-2 был в 1940 году сформирован специальный полк «Бранденбург-800», непосредственно подчинявшийся начальнику Абвера-2 полковнику (позже генералу) Лахузену. Полк, вопреки международным правилам ведения войны, укомплектовался главным образом на счет зарубежных немцев, широко использовалось в полку применение иностранного военного обмундирования и вооружения для маскировки своих операций. В процессе подготовки нападения Германии на СССР командование полка также запаслось предметами обмундирования и вооружения Красной Армии и организовало отдельные отряды из числа немцев, знающих русский язык.

И надо отметить, что многое из того, что планировалось и намечалось германской разведкой, удалось осуществить. Особенно значительные антисоветские силы были подготовлены в Западной Украине и в Прибалтике. Судя по приложению № 35, по плану «Барборосса», составленному в декабре 1940 года, в Прибалтике действовало: полторы роты 800-го полка, пополненные 30 парашютистами; 45–90 бывших подданных Прибалтийских государств (литовцы, латыши, эстонцы), обученных делу саботажа, в Литве, Латвии и Эстонии были организованы группы из представителей национальных меньшинств. Эти подразделения были расписаны по 52 преимущественно охраняемым объектам.

К сожалению, все эти реальные, вражеские силы были задействованы, принесся немалый урон Красной Армии, пограничным войскам, особенно в первые часы и дни начала военных действий.

О силе и возможностях этих подпольных организаций в Прибалтике рассказывается в книге В. Хазнера «Время, пространство, люди», изданной латышской эмигрантской организацией «Даугавас Ванаги» в Торонто (Канада) в 1974 году. Автор приводит достоверные данные, по которым «повстанцы» нанесли в 1941 году с начала военных действий многочисленные удары по мелким подразделениям Красной Армии и пограничных войск, бойцам истребительных батальонов и советско-партийному активу города Тукумса, под Смилтене, на Видземском взморье и других местах. Организацией пятой колонны в Латвии руководил из Берлина полковник А. Плененер, находящийся на службе Абвера. А вот как были вооружены повстанческие организации приграничного Талсинского уезда в конце 1940 года. Диверсанты группы в составе 53 человек имели к оружию 36 024 патрона. Во всем же уезде насчитывалось 753 диверсанта, которые были прекрасно вооружены. Они располагали 23 пулеметами и 228 ручными гранатами³⁶.

³⁶ Советская Латвия, 1989, 21 июня.

5. Краткие итоги

Приведенные выше материалы и свидетельства дают возможность объективно оценить деятельность пограничных войск в предвоенные годы. Да, они были поставлены в тяжелые условия. Верно и то, что не все удалось сделать, чтобы привести все пограничные отряды в нужную степень боевой готовности. Достоверно, что ими было обезврежено значительное число вражеской агентуры, уничтожено немало хорошо вооруженных банд. Но в то же время нельзя закрывать глаза и на то, что немало вражеской агентуры, причем особо хорошо подготовленной для разведывательной и диверсионной деятельности, безнаказанно прорвалось через границу, она впоследствии, опираясь на антисоветские элементы в приграничье, развернула активную деятельность по нанесению серьезного удара по системе управления Красной Армии, пограничных войск, в целом дезорганизуя тыл. И вот, учитывая все это, надо признать, что пограничным войскам, в частности западных округов, несмотря на проведение ряда успешных мероприятий по усилению охраны границы, не удалось прочно закрыть этот канал для заброски вражеских подрывных сил, и поэтому будет объективным считать, что в канун войны погранвойска здесь не выполнили полностью той роли, которая им определялась в это ответственное время. Были на это и объективные причины, но очевидно и то, что сказались здесь недоработки, ошибки и промахи, которые пришлось уже восполнять неимоверными усилиями в боях на государственной границе и в приграничных сражениях.

21 июня 1941 г. Пограничный наряд на советско-румынской границе

Глава вторая

Бои на государственной границе: современный взгляд

1. Как началась война

22 июня 1941 года...

Едва забрезжил рассвет дня летнего равноденствия, как на многих участках западной границы СССР войска фашистской Германии открыли военные действия. После мощного артиллерийско-минометного налета, усиленного бомбовыми ударами с воздуха, границу пересекли наземные войска, представленные сильными группировками танковых и моторизованных частей и соединений.

Военное нападение Германии своими регулярными войсками началось без предварительного объявления. Лишь спустя полтора часа, в 5 часов утра, когда уже вовсю шли боевые действия, германский посол в Москве Ф. Шуленберг объявил о вступлении Германии в войну с СССР.

Долгих 1418 дней и ночей продолжалась эта не прекращающаяся ни на секунду битва советского народа против фашистской Германии, закончившаяся полным разгромом агрессора и освобождением не только своей страны, но и народов стран Восточной Европы от нацистского порабощения. Военный союз с США, Великобританией и Францией, к которому потом подключились и другие государства, обеспечил разгром всего фашистского блока, представленного в то время Германией, Италией, Японией и их сателлитами.

22 июня 1941 г. Немецкие танки пересекают советскую границу

Эта победа стоила огромных затрат материальных, а главное, человеческих ресурсов. Около 50 миллионов жизней, в том числе свыше 27 миллионов советских людей, составили непосредственные потери, не считая общего сокращения народонаселения в это время.

За прошедшие годы много было сказано и написано об обстоятельствах начала войны между Германией и СССР. За исключением откровенных и, скажем прямо, беззастенчивых апологетов Гитлера, абсолютное большинство политиков, историков, простых людей однозначно оценивают нападение Германии на СССР как вероломное и агрессивное.

Что касается действий советской стороны, то такого единомыслия нет. Был сделан еще в ходе войны на этот счет ряд заявлений в выступлениях И. В. Сталина, объяснявшего и раскрывавшего вероломный внезапный характер нападения гитлеровской Германии на СССР и тем оправдывавшего наши неудачи в первый период Великой Отечественной войны. Однако не проясненным до конца этот вопрос остается и до сих пор. Очевидно, еще долго будут кипеть страсти, разгораться споры о таком драматическом для нашего народа событии, как начало Великой Отечественной войны. Хотел бы и автор высказать свою точку зрения на этот острый вопрос с позиции пограничных войск, оказавшихся первыми втянутыми в военные действия.

Основные споры разгораются вокруг взаимно связанных вопросов: об отношении политического руководства страны и высшего командования Красной Армии к явным фактам непосредственной подготовки фашистской Германии к нападению на СССР и по поводу приведения советских вооруженных сил, в частности западных военных округов, в полную боевую готовность.

Данная проблема имеет политический и военный аспекты. Многие, особенно из числа нынешних критиков и хулителей Великой Отечественной войны, не видят этого важного обстоятельства. И на головы как политического руководства страны, так и высшего командования РККА обрушивают тяжелые обвинения в политической близорукости и военной бездарности.

Как живой современник всех событий как предвоенной, так и военной истории нашей страны, могу засвидетельствовать следующее. Могли ли мы, выпускники средней школы, не думать в 1940–1941 годах о том, что наша страна приближается к войне, когда весной 1941 года все наши одноклассники старше нас на один-два года досрочно получили аттестаты зрелости и поступили в военные училища, а за два предвоенных года все годные по возрасту и здоровью преподаватели-мужчины были направлены также или в училища, или призваны на военную службу в строевые части, а на выпускном вечере в июне 1941 года в основном из родителей присутствовали лишь матери, ибо отцы, как правило, также находились на военных сборах. Скажу свое мнение и о заявлении ТАСС от 14 июня 1941 года, которое ряд авторов расценивают как дезинформацию советского народа. Не только я, но и все мое окружение – сверстники по школе, преподаватели, соседи и знакомые – расценили это заявление, как «пробный шар» открытого через печать выяснения позиции Германии на подготовку с ее стороны к военным действиям. А то, что вслед за этим «заявлением ТАСС» не последовало никакого реагирования германской стороной, только еще больше убедило многих наших современников в нечестности с германской стороны и ее тайных коварных замыслах.

Когда же позже стал офицером, а затем ученым-историком и получил возможность ознакомиться с подлинными документами, относящимися к характеристике предвоенной ситуации, а также узнать мнения на этот счет прямых участников тех событий кануна войны, в том числе и ветеранов войск, еще больше утвердился во мнении, что политический вывод о намерениях фашистской Германии мог быть только один: Гитлер и его окружение были готовы в 1941 году к нападению на СССР.

Давайте отдадим должное мужеству и интернационализму солдата 222-го саперного полка германской армии ефрейтора Альфреда Лискафа из взвода лейтенанта Штольца, который в ночь с 21 на 22 июня перешел на нашу сторону и сдался пограничникам 90-го Влади-

мир-Волынского пограничного отряда для того, чтобы предупредить, что с утра будет совершено нападение на СССР. Да, это было, как было и множество других фактов, подтверждавших готовящееся нападение Гитлера на СССР. Советская разведка, в том числе пограничных войск, собрала очень ценные и достоверные факты о военных приготовлениях Вермахта. Свой долг в этом плане она выполнила хорошо. Такой же высокой оценки заслуживал и Рихард Зорге, на которого часто ссылаются наши оппоненты. Сведения, добытые им, представляли большую ценность.

Разве могут быть какие-либо сомнения даже не у политика, а у простого человека о военных приготовлениях, если бы он получил вот такое, одно из многих аналогичных донесений, основанное на материалах, добытых пограничниками? Уверен, что ответ будет один: скоро война.

Читаем сообщение НКВД СССР № 1196/Бв ЦК ВКП(б), СНК СССР и НКО СССР о полученных пограничными отрядами НКВД разведывательных данных относительно концентрации немецких войск на советско-германской границе от 21 апреля 1941 года.

«С 1 по 19 апреля 1941 года пограничными отрядами НКВД СССР на советско-германской границе добыты следующие данные о прибытии германских войск в пункты, прилегающие к государственной границе в Восточной Пруссии и генерал-губернаторстве:

В пограничную полосу Клайпедской области: прибыло две пехотные дивизии, пехотный полк, кавэскадрон, артиллерийский дивизион, танковый батальон и рота самокатчиков.

В район Сувалки – Лыкк: прибыло до двух мотомехдивизий, четырех пехотных и двух кавалерийских полков, танковый и саперный батальоны.

В район Мышинец – Остроленка: прибыло до четырех пехотных и одного артиллерийского полков, танковый батальон и батальон мотоциклистов...

Всего в эти районы прибыли: штабы 3 механизированных дивизий, 6 пехотных дивизий, до 21 пехотного полка, 2 моторизованных, 7 кавалерийских и 9 – 10 артиллерийских полков, до 7 танковых и 4 саперных батальонов, батальон мотоциклистов, 2 роты самокатчиков и свыше 500 автомашин...

За период с 1 по 19 апреля германские самолеты 42 раза нарушали государственную границу, совершая разведывательные полеты над нашей территорией на глубину до 200 км.

Большинство самолетов фиксировалось над районами: Рига, Кретинга, Таураге, Ломжа, Рава-Русская, Перемышль, Ровно»³⁷.

Свою оценку предбоевой обстановки ветеран пограничных войск начальник 94-го пограничного отряда, в то время майор, а позже генерал-майор П. И. Босый изложил следующим образом: «Прежде всего бесспорно, что наше правительство делало все возможное, чтобы оттянуть начало военных действий на любое время, которое так необходимо было для создания более мощной обороны. Об этом свидетельствуют действия командования РККА, создавшего инженерные оборонительные сооружения полевого типа на границе, подчинение пограничных войск при возникновении военных действий полковому командованию РККА, мероприятия, проводимые пограничными войсками на случай войны.

Не подлежит сомнению и то, что пограничные войска располагали данными о начале боевых действий. Сведения эти хоть и были противоречивыми и разрозненными, но они указывали на приближение войны.

Можно согласиться с тем, что не все было сделано, но это не вина наша, а беда – не хватало времени»³⁸.

³⁷ ЦПА, ф. 19, оп. 229, д. 52, л. 10–12.

³⁸ 50 лет на страже границ Советского государства. Историко-мемуарный сборник № 1. 1968. С. 164.

Прочитав все донесения разведчиков, справки и донесения о военных мероприятиях Вермахта, заслушав ветеранов, очевидцев тех событий, давайте теперь задумаемся, а все ли после этого ясно?

Ведь история даже нашего XX века полна прецедентов, когда стороны с небывалой легкостью рвали договора. Вспомним и В.И. Ленина. Ведь еще он в 1916 году предупреждал мировую общественность о Германии как о наиболее вероятной зачинщице Второй мировой войны. С чисто военной точки зрения, а именно так надо рассматривать канун гитлеровского вторжения, разведывательные данные, поступавшие за полгода, за месяц, а тем более за день до начала «войны моторов», не могли иметь решающего значения. Не об этом ли говорит недавняя война в Персидском заливе, когда готовящиеся военные действия США против Ирака были объявлены аж за три месяца, но ведь это не спасло Хусейна от поражения.

Обратимся еще к истории. Известно, что заблаговременно подготовленная к отражению гитлеровского вторжения линия Мажино во Франции не сыграла никакой роли в деле спасения ее от поражения. Япония аж на третьем году Второй мировой войны внезапно нанесла сокрушительный удар по крупнейшей военно-морской базе США Перл-Харбор на Гавайских островах. Оказывается, что, даже имея всю необходимую информацию о дне и часе немецкого наступления на Курском выступе, советское командование почти пять месяцев готовило контроперацию, стоившую гигантских материальных затрат и огромных людских потерь. Это, напомним, уже случилось после губительного для гитлеровцев поражения под Сталинградом и когда экономика нашей страны к июлю 1943 года превосходила довоенную. Вот таким же образом военная машина гитлеровской Германии к июню 1941 года набрала такой военно-экономический потенциал, и во многом благодаря иностранному капиталу, и кстати, на три четверти американскому, что ее не могли насторожить ни победы Красной Армии на Халхин-Голе, ни необходимость вести войну на два фронта.

Как видно, фактор внезапности охватывает куда больше параметров, особенно в современной войне моторов, чем выход войск на боевые позиции. И если только с этой меркой подходить к оценке событий 1941 года, то войска нашего Западного направления должны были быть по крайней мере в окопах еще с начала мая 1941 года. Но спасло бы это нас от неудач первого периода войны? Вряд ли. Скорее, наоборот, усугубило бы положение. Главное состояло в том, что наша страна не была в военном отношении подготовлена в июне 1941 года к отпору агрессору. Были на это и объективные причины и допущены субъективные просчеты. Вот о них и следует вести речь, когда дело касается начала войны, в том числе и первых боев на государственной границе, проведенных пограничниками западной границы СССР, при этом, опять же, не обособляя их действий от действий частей и соединений Красной Армии и в то же время видя специфику выполняемых ими задач и наличные силы.

Многие осуждают и политическое руководство, да и высшее военное командование нашей страны за то, что поздно было отдано распоряжение о приведении западных пограничных военных округов в боевую готовность. Давайте и здесь разберемся. Как известно, и сейчас, и раньше существовало понятие о степенях боевой готовности. Люди военные знают, что есть повышенная и полная боевая готовность. Круг вопросов и мероприятий, подлежащих исполнению при каждой степени боевой готовности, вполне определен. Если оценивать их по объему, то основная их часть проводится при приведении войск в повышенную боевую готовность, а для действий в условиях полной боевой готовности, режим которой всегда заранее определен, нужен лишь сигнал. Кстати, по такому сигналу и началось вторжение гитлеровских войск на территорию СССР.

2. Объективные условия и субъективные просчеты советской стороны

А как обстояло дело тогда, в 1941 году? Сначала о Красной Армии. Если быть объективными, то основные мероприятия, включаемые в режим повышенной боевой готовности, проводились в приграничных военных округах, по сути дела, с начала июня 1941 года. Сюда входило выдвижение частей и соединений в районы сосредоточения в полевые условия, подготовка и оборудование полевых командных пунктов, дополнительная подача боеприпасов со складов непосредственно в части и подразделения и т. п.

Вот как решались эти вопросы в Прибалтийском Особом военном округе, которым командовал генерал-полковник Ф. И. Кузнецов³⁹. С начала июня началась напряженная работа штаба округа и штабов объединений и соединений по подготовке отражения возможной агрессии. Уже 14 июня началась передислокация четырех стрелковых дивизий и управления 65-го стрелкового корпуса в приграничную зону. Ближе к границе перебрасывались четыре корпусных артиллерийских полка и один гаубичный полк резерва Главного командования. Все эти соединения и части должны были сосредоточиться в указанных районах к 23 июня. Началось сосредоточение в новых районах 3-го и 12-го механизированных корпусов. 18 июня из Риги под видом учений был выведен 1-й эшелон штаба округа (250 генералов и офицеров), который к 12.00 20 июня занял подготовленный командный пункт в лесу северо-западнее Паневежиса. Второй эшелон штаба был выведен в ночь на 21 июня, т. е. более чем за сутки до начала военных действий. 18 июня генерал-полковник Ф. И. Кузнецов отдал приказ № 00229, в котором потребовал «к исходу 18 июня привести в полную боевую готовность всю противовоздушную оборону округа, все средства связи на территории округа». Военный совет округа 14 июня, т. е. за неделю до фашистского нападения, своим указанием напомнил командованию частей и соединений о нарастающей военной опасности. На всей территории военного округа была введена повышенная боевая готовность.

Как видно из приведенных данных, основные указания по приведению войск Прибалтийского Особого военного округа в повышенную готовность были отданы заблаговременно. Но вот как они были реализованы – это уже другой вопрос. И здесь может быть предъявлено много претензий как к организаторам, так и к исполнителям. Многие командиры через свои штабы не организовали должного контроля за отданными распоряжениями, которые в ряде случаев выполнялись не в указанные сроки, а с опозданием. Командиры частей и соединений действовали далеко не лучшим способом, не обеспечили качественного выполнения подученных боевых распоряжений, действовали, что называется, по-мирному, хотя обстановка уже требовала напряжения всех сил. Безусловно, это было следствием как отсутствия такого опыта, так и прямой неисполнительности.

Такая же примерно картина по подготовке к боевым действиям имела место и в войсках Ленинградского (командующий – генерал-полковник М. М. Попов, член военного совета – корпусной комиссар Н. Н. Клементьев, начальник штаба – генерал-лейтенант Д. Н. Никишев), Западного Особого (командующий – генерал армии Д. Г. Павлов, член Военного совета – корпусной комиссар А. Я. Фоминых, начальник штаба – генерал-майор В. Е. Климовских), Киевского Особого (командующий – генерал-полковник К. П. Кирпонос, член Военного совета – корпусной комиссар Н. Н. Вашугин, начальник штаба – генерал-лейтенант А. А. Пуркаев),

³⁹ В состав Прибалтийского военного округа входили 8-я и 11-я армии и частично разворачивающаяся 27-я армии. Всего 25 дивизий, из них 19 задействовались в первых операциях, ибо остальные находились в стадии формирования. Командовал округом генерал-полковник Ф. И. Кузнецов, член Военного совета – корпусной комиссар П. А. Диброва, начальник штаба – генерал-майор П. С. Кленов.

Одесского (командующий – генерал армии И. В. Тюленев, член Военного совета – армейский комиссар 1 ранга А. И. Запорожец, начальник штаба – генерал-лейтенант Г. Д. Шишенин) военных округов. Если подчас в печати, в том числе и в обстоятельных исследованиях, приходится читать высказывания видных ответственных военачальников РККА предвоенного периода о якобы запоздалом получении ими указаний о приведении войск в боевую готовность, то скажу, что здесь они, мягко выражаясь, уходят от прямого ответа на этот вопрос или делают это для своего оправдания. Такое заявление приводится, к примеру, в истории Великой Отечественной войны Советского Союза генералом армии К. А. Пуркаевым, занимавшим в начале войны пост начальника штаба Киевского Особого военного округа. По его словам, в связи с запоздалым поступлением в штаб округа распоряжения Генерального штаба о приведении войск в полную боевую готовность войска прикрытия по плану обороны начали выходить на государственную границу в 4–6 часов утра 22 июня 1941 года, т. е. тогда, когда война уже началась⁴⁰.

Давайте теперь вернемся к распоряжению Генерального штаба РККА, отданному войскам, которое часто рассматривают как указание о подготовке к отражению агрессии.

Войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов приказывалось: а) в течение ночи 22.06.41 г. скрытно занять огневые точки указанных районов на госгранице; б) перед рассветом 22.6.41 г. сосредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать; в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно; г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов; д) никаких других мероприятий без особых распоряжений не проводить⁴¹.

Подписанная Наркомом обороны Маршалом Советского Союза С. К. Тимошенко и начальником Генерального штаба РККА генералом армии Г. К. Жуковым, Директива поступила на телеграф в 23.45 1941 года.

Если ее рассматривать как сигнал к приведению войск в состояние полной боевой готовности, то время для исполнения было вполне достаточно, т. е. около четырех часов. Однако она не выполнила своей роли сигнала из-за неправильной организации передачи, которая началась только в половине первого часа ночи 22 июня, в войска она явно запаздывала.

Теперь по содержанию. В Директиве НКО Генштаба вновь, как до этого, главный упор делался на избежание провокаций. Как говорилось в Директиве, «не поддаваться ни на какие провокации, могущие вызвать крупные осложнения». Первые четыре пункта Директивы, по сути дела, в суммированном виде констатировали ранее отданные распоряжения, а пункт «д» фактически снимал вопрос о возможной войне, сводя события лишь к возможным провокациям.

Разумеется, за такую оценку обстановки перед вторжением германских войск на нашу страну несет ответственность советское правительство, которое в это время возглавлял И. В. Сталин, и высшее военное руководство в лице Наркома обороны Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко и начальника Генерального штаба РККА генерала армии Г. К. Жукова. Признавая свою ошибку, позже Георгий Константинович в своих воспоминаниях написал: «Мы, военные, не сделали всего, чтобы убедить Сталина в неизбежности войны с Германией в ближайшее время»⁴². Что за этим кроется: робость перед вождем или боязнь за свою судьбу, зная крутой нрав Сталина и его нетерпимость к другим мнениям, или недостаточная ответственность, мягко говоря, перед своим народом, страной за исполнение своих высших обя-

⁴⁰ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. – М.: Воениздат. С. 11.

⁴¹ История Великой Отечественной войны 1941–1945. Т 2. – М.: Воениздат. С. 9.

⁴² Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т I. – М.: АПН, 1974. С. 82.

занностей? Очевидно, здесь имели место оба обстоятельства. Поэтому как названные выше военачальники, так и командование военных округов должны взять на себя свою долю ответственности за то, что в военном плане не все мероприятия по приведению подчиненных им войск в полную боевую готовность были проведены своевременно. Слишком тяжелыми оказались последствия таких недоработок, и обернулись они, безусловно, лишними человеческими жертвами, не говоря уже о временном оставлении врагу значительной территории.

Резко критикуя и осуждая за допущенные просчеты политическое руководство и высшее военное командование страны за неправильные выводы о сроках возможного нападения фашистской Германии на СССР, можно ведь поставить и такой гипотетический вопрос, исходя из окончательного итога войны и полного последующего разгрома гитлеровских войск: а не просчитался ли, в свою очередь, и Гитлер, начав войну именно в 1941 году, не перенес ее на 1942 год, разбив предварительно Великобританию? Умозрительно, конечно, можно рассуждать и на такую тему, но история не знает сослагательного наклонения. Историю следует рассматривать такой, какой она была, объективно отражая ее ход. И с этих позиций требуется особенно обстоятельный анализ всех фактов и событий, чтобы сделать правильные выводы и заключения о таком тяжелом для нашей страны периоде, как начало Великой Отечественной войны. Касается это в полной мере и пограничных войск, которым первым пришлось принять на себя удар гитлеровских войск на границе.

3. Действия погранвойск в первые часы и дни войны

Как же надо оценить состояние пограничных войск непосредственно перед началом военных действий и в ходе первых боев на государственной границе?

По этому вопросу имеют место довольно различные мнения и суждения. В основном это положительная оценка готовности и действий личного состава западных пограничных округов в боях на границе. И это справедливо.

Несмотря на незавершенность всех подготовительных мероприятий, особенно по инженерному оборудованию участков, имея в виду, что охрану пограничники здесь несли на новых рубежах, на которые они вышли всего год-полтора назад, ограниченное количество автоматического оружия и почти полное отсутствие противотанковых средств борьбы, которые были представлены небольшим количеством противотанковых ружей, боеспособность пограничных застав была высокой. Одно, но, на взгляд автора, достаточно убедительное на этот счет подтверждение.

Начальник 13-й заставы 90-го Владимир-Волынского отряда лейтенант А. В. Лопатин

Генерал-майор Босый П. И., в 1941 г. начальник Скольского погранотряда

По оценке командования 90-го погранотряда, зафиксированной в документах⁴³, 13-я застава числилась перед войной в числе наиболее слабых в отряде, а ее начальник – лейтенант А. В. Лопатин – считался слабо подготовленным командиром. Но как не только самоотверженно, но и умело сражался личный состав этой заставы в первых боях на границе! Проявил себя с лучшей стороны и лейтенант А. В. Лопатин, организовав крепкую оборону своей заставы, держал занимаемый рубеж до 3 июля 1941 года.

То, что даже на направлениях наступления главных ударных группировок врага пограничные заставы в основном только своими силами и средствами сдержали позиции от одного до четырех часов, яркое свидетельство высокой их боеспособности, отваги и стойкости личного состава.

Чтобы так сражаться, нужно, естественно, было хорошо к этому быть подготовленным. Вот что пишет по этому поводу майор П. И. Босый, бывший в то время начальником 94-го Скольского погранотряда: «В отряде были сведены до минимума мероприятия общественного характера. Штаб внес коррективы в планы боевой подготовки. Основное внимание уделялось

⁴³ См.: Отчет начальника 90-го погранотряда майора М. С. Бычковского «Об итогах служебно-оперативной деятельности погранотряда за 1940–1941 гг.». Центральный музей пограничной службы (ЦПМ), П-10, л. 5.

огневой и тактической подготовке. На удаленные от застав участки, особенно фланги, высылались усиленные наряды с ручными пулеметами»⁴⁴.

Высокую оценку готовности личного состава пограничных застав к боевым действиям дает другой участник первых боев на границе, в то время начальник заставы 17-го Брестского погранотряда, охранявшего центральный участок границы, старший лейтенант, позже подполковник, писатель Джаманкул Дженчураев.

«В ночь на 22 июня, – пишет он, – на участке заставы было беспокойно. Никто из командного состава не уходил домой. Бойцы дежурного отделения, сняв сапоги и расстегнув ворота гимнастерок, спали на неразобранных койках. Их винтовки стояли тут же, возле тумбочек, на которых лежали боеприпасы и гранаты»⁴⁵.

Документы свидетельствуют, что отряды западной границы задолго до начала военных действий были приведены в полную боевую готовность. Так, в журнале боевых действий 102-го пограничного отряда Ленинградского округа записано: «Все подразделения отряда были приведены в полную боевую готовность, на всех заставах постоянно находилось не менее 80 процентов личного состава вплоть до 22.6.1941 года»⁴⁶

⁴⁴ 50 лет на страже границ Советского государства. Историко-мемуарный сборник. Кн. 1. – М.: Воениздат, 1968. С. 162–163.

⁴⁵ Дженчураев Д. Фронтовые записки пограничника. – Фрунзе: Изд. «Киргизстан», 1966. С. 16.

⁴⁶ ЦПА, ф. 215, оп. 6930, д. 200, л. 1.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.